

А.Ф.
Борун

МиНус

на

МиНус

Александр Феликсович Борун

Минус на минус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62316521

SelfPub; 2023

Аннотация

События, сказавшиеся на судьбах всего человечества, вовлекли совсем немного людей. Главную роль в этих событиях играет молодой изобретатель, потомок самурая, неожиданно оказавшегося кшатрием. Он вынужден вступить в противостояние с главарём банды погромщиков-индусов, которая переквалифицировалась в банду грабителей, но притворяется делегацией на мирный молодёжный фестиваль. Яблоком раздора послужила жена изобретателя, с которой он заключил брак, нарушив обычаи кастовой системы Индии, ныне юридически отмененной... но скрепы-то никуда не делись. Масла в огонь подливает другая банда грабителей, китайская. За кулисами действия пытаются остаться два кукловода – китайский философ и индийский историк-политолог. Действие происходит и на том, и на этом свете. На том свете – в мирах пустыни, офисного здания, неба и некоего города, возможно, Москвы, на этом – в индийском городе Бхубанешваре, на гибридном дирижабле, на подводной лодке, в Форт-Ноксе и вблизи Пентагона.

Содержание

0. Письмо	4
1. «Гибризовр». Начало	11
2. «Ченгон», Мыс Доброй Надежды	50
3. «Гибризовр». Собрание коллектива	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Борун

Минус на минус

0. Письмо

Дорогой мой друг Уксава!

Как твоё здоровье, как семья, как успехи в преподавании, а главное, на ниве дальнейшей разработки твоей замечательной теории обусловленности решающих исторических событий относительно небольшими возмущениями противоположной направленности? Когда ты её обнародуешь, чтобы на весь научный мир прогремела теория исторических последовательностей историка Уксавы Прими? (Ты ведь знаешь, я считаю: ты, как и я, философ, но ты называешь себя, сужая сферу своей науки, всего только историком, а то и политологом; мне кажется, это ложная скромность, но ты, конечно, имеешь право декларировать свою область научных интересов любым комфортным тебе образом).

В последнем твоём письме ты задал мне вопрос, не кажется ли мне, что для дополнительного обоснования моей философской теории всеобщего провокативного развития можно в качестве аргументации использовать философские основы китайских боевых искусств ушу, они же кун-фу. Благодарю тебя за то, что ты, несмотря на занятость своей исторической

теорией и прочими важными делами, находишь время интересоваться моей философией.

Но по существу вопроса я вынужден ответить отрицательно. Китайские боевые искусства в философии опираются на классический Дао – «Путь». Как ты, наверное, знаешь, это естественный порядок вещей во всём мире. К этому порядку относится, естественно, и всякая новая теория, однако это не значит, что её можно заранее как-то вычислить и сформулировать исходя из Дао. Если говорить о философском обосновании боевых искусств как основании для моей философии, здесь, скорее, подошёл бы японский стиль айкидо, в котором главным элементом многих приёмов является использование силы противника против него самого. Это не совсем провокация, но что-то близкое. Не совсем – потому что для применения силы противника против него самого его вовсе не обязательно провоцировать, можно дождаться его самостоятельного действия. Хотя, конечно, можно и спровоцировать. Кроме того, большое внимание в айкидо уделяется непричинению вреда, в том числе, сопернику, что расходится с теорией и практикой остальных стилей, насколько мне известно. И не имеет отношения к философии в широком смысле слова. Думаю, что по той же причине и тебе философия айкидо также не пригодится, да и Дао не подойдёт.

Что касается поиска в китайской культуре (кстати, спасибо за идею! Ведь мне, скудоумному, она должна была прийти в голову самому, однако не пришла), скорее, следует об-

ратить внимание на тридцать шесть китайских стратагем. В восьми из них можно найти элементы провокативности:

7) ##### wú zhōng shēng yǒu «Извлечь нечто из ничего»,

11) ##### lǐ dài táo jiāng «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик»,

13) ##### dá cǎo jīng shé «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею»,

15) ##### diào hǔ lí shān «Сманить тигра с горы на равнину»,

16) ##### yù qín gù zòng «Если хочешь кого-нибудь поймать, сначала отпусти»,

17) ##### pāo zhuān yǐn yù «Бросить кирпич, чтобы обрести нефрит»,

19) ##### fǔ dǐ chōu xīn «Тайно вытаскивать хворост из-под чужого котла»,

21) ##### jīn chán tuō kě «Цикада сбрасывает свою золотую кожу».

Не буду отнимать у тебя время подробным описанием самих стратагем, если они тебя интересуют, ты легко найдёшь их в сети. Что именно мне показалось в них элементами провокации, ты тоже, конечно, легко определишь сам. Кстати, может так оказаться, что тебе они тоже пригодятся, ведь с каждой из них связано не только логическое обоснование, но и исторические примеры, которые могли бы быть тебе полезны. Я знаю, что изложение стратагем есть в вашей, индийской классике «Панчатантра»; может, там есть также

исторические примеры из индийской истории? Во всяком случае, как ты сам справедливо заметил относительно древней китайской философии, пусть и применительно к боевым искусствам, при обнародовании теории ссылка на древность придаст ей убедительности в глазах знатоков и уважения у дилетантов.

О моих семейных новостях. Они не очень весёлые. С тех пор, как наша маленькая семья, возглавляемая бабушкой, воссоединилась с родом во главе с патриархом, бабушка стала заметно хуже к нам относиться. Возможно, хотя не скажу наверняка, все мы, вопреки её ожиданиям, не пришли патриарху ко двору. И, тем самым, не оправдали её надежд. Дошло до того, что отец и мои старшие братья подумывают перебраться куда-нибудь подальше от них всех, и патриарха, и, увы, бабушки.

Это само по себе сулит немалые испытания. Но они, к тому же, придумали какой-то странный план – как раздобыть денег на переселение и обзаведение на новом месте. Наверное, я не писал тебе достаточно подробно о своей семье, у нас есть дальний родственник, не знаю сколько-юродный дедушка Амфорнок. Он так богат, что является мировой знаменитостью, так что ты, возможно, о нём слышал. Нас он знать не знает и неоднократно наотрез отказывался оказать денежную помощь, даже взаимобразно, не говоря уже о подарке. Так вот, они почему-то решили, что можно добиться успеха, явившись к нему за помощью совместно с его родными сы-

новьями. Я, однако, думаю, что их план обречён на неудачу, так как и своих родных сыновей Амфорнок не любит финансировать и чаще всего отказывает им в их просьбах. С какой стати он будет щедрее, если они придут к нему все вместе? Скорее, наоборот. Особенно – если одновременно с ними заявится ещё кто-нибудь, что вполне вероятно, ведь просители непрерывно осаждают его, как ты мог прочесть где-нибудь в сетевых новостях.

Остаюсь, благодаря твоей подсказке, размышлять о привлечении стратагем в качестве дополнительных примеров действия моей философской теории, а тебе, следуя твоему примеру, хочу задать вопрос относительно возможного дополнительного обоснования твоей исторической теории. Мы оба согласились с тем, что между нашими теориями, несмотря на различные сферы науки, к коим они относятся, имеется несомненное сходство, так что они могут быть очень полезными друг другу. (А нам, соответственно, имеет прямой смысл делиться соображениями по поводу обеих теорий). Но ты говорил мне ещё, возможно, отчасти в шутку, о некотором сходстве твоей теории с медицинской практикой вакцин и прививок. Не найдёшь ли ты в ней, в таком случае, сходства с гомеопатией? Я знаю, что это западная теория, придуманная Ганеманом в начале 19 века. К тому же, как признала современная медицина, совершенно неверная. Но она очень популярна. Об этом свидетельствует мировой оборот гомеопатических средств, составляющий миллиарды долларов в

год. Современные гомеопаты утверждают, что истоки их медицинской теории – не в 19 веке, а в Древней Греции, и ссылаются на Гиппократ. Сомнительно, чтобы она оказалась связана с китайской народной медициной: хотя в каких-то аспектах сходство найти можно, но контакты древних греков с Китаем трудно предположить. А вот до Древней Индии им было всё-таки ближе. Во всяком случае, есть гипотезы об их взаимодействии в области математики и философии. О возможной связи гомеопатии с индийской народной медициной я, правда, ничего не читал. Но я же и не интересовался этим предметом. Оставляю эту возможность тебе, если, конечно, тебя это заинтересует.

С интересом жду ответа,

Твой

Тiǎoxìn (Тяо Синь)

P.S. Забыл спросить, как там этот японский лопухий юнец, Симахира, которого я к тебе направил? Если помнишь, я в сопроводительном письме написал, что в Японии его работой никто не заинтересовался, меж тем мне она показалась многообещающей. С другой стороны, в нашу сумасшедшую семейку лучше его идей не запускать; вот я и отправил его к тебе. Удалось ли тебе как-то положительно поучаствовать в его судьбе? Надеюсь, это не потребовало от тебя слишком больших хлопот? Ведь у тебя есть знакомые в административной сфере, которым легко устроить его на какую-нибудь формальную должность, или, скажем, дать

возможность поступить в университет, ему много денег для жизни не надо. Хорошо бы он мог и дальше заниматься своими исследованиями.

Твой

Тiяохiн (Тяо Синь)

1. «Гибризавр». Начало

Никогда ещё «лопоухий юнец» Симахира не чувствовал себя столь счастливым. Ощущение счастья и удачи стало часто посещать его после переезда в Индию.

В Гонконге это была ещё только надежда. Туда его пригласил китайский философ Тяосинь да Фенси, заинтересовавшийся его исследованиями. С первого взгляда – смешной сухонький старичок, со второго, если это взгляд в глаза, смеяться над ним никому бы уже и в голову не пришло. Он первым одобрил замысел Симахиры, и вообще поддержал его морально, но сказал, тем не менее, что у него нет возможности никак устроить его здесь и отправил в Бхубанешвар, к своему другу, индийскому историку Уксавэ Прэми.

Историк оказался, в противоположность философу, высоким представительным мужчиной, относительно молодым, лет сорока пяти. С философом его роднил только неожиданно пронзительный взгляд опасного человека. Особого интереса он не проявил, но по просьбе друга всё сделал. Сразу нашёл какую-то фирму, сделавшуюся спонсором исследований Симахиры. И это было самым важным для него.

Симахира уже отчаялся заинтересовать кого бы то ни было в Японии своим проектом. Одно время он даже начал думать, что всему виной его большие оттопыренные уши. Иначе почему при первом знакомстве все деятели шоу-бизнеса

с таким интересом на них смотрят? Именно на них, потому что лицо у него ничем среди прочих японцев не выделяется, среднестатистическое такое лицо. Даже, скорее, чуть поплосше середины, если честно. Но ведь традиционно смазливая физиономия в списке положительных качеств японца, в отличие от японки, была где-то в последних строчках списка. В Ямато-моногатари даже есть эпизод, кажется, номер 65, где дама Иё-но го, служившая при дворце Сокёдэн (резиденции Минамото Явако, фаворитки императора Дайго), говорит об ухаживающем за ней Нанъин-но горо, правителе Микава: «И стихи слагает, и говорит изящно, отчего же никак не складывается у нас?» И добавляет, явно сама себе удивляясь: «Не оттого ли, что лицо его очень уродливо, как на него взглянешь?». Видимо, в 10 веке такие претензии к мужской красоте не были приняты. Если не считать это замечание дамы ироническим. Симахира предпочитал воспринимать его как сказанное всерьёз. Или, по крайней мере, на достаточно большую долю всерьёз. Так что обычно он не комплексовал по этому поводу. Пока не заподозрил, что его внешность играет какую-то роль в постоянных отказах в финансировании от деятелей шоу-бизнеса.

Кстати, каков он собой с точки зрения индусов, было бы выяснить довольно трудно. На своё собственное впечатление он уже полагаться не мог, а приятелей прямо так сходу не заведёшь. Не спрашивать же каждого встречного. Во всяком случае, если индусы и находили его несимпатичным, внеш-

не никак этого не проявляли. А главное, не отказались помогать...

Также Преми привёл его в храмовый архив, где заплатил каким-то учёным людям, брахманам, которые для начала расспросили Симахиру о его предках. Симахира честно рассказал, что его род пошёл от самурая Тэнгу но Томодати, что означает Друг Тэнгу, преданно служившего роду Тайра уже в эпоху Камакура, наступившую после того, как войска Тайра были разбиты в 1185 году Минамото Ёсицунэ, и род Тайра был низвергнут с вершины власти. Продолжалась эпоха Камакура до 1333 года, то есть с конца 12 до конца первой трети 14 века, и, к сожалению, родственникам не удалось точнее установить время жизни родоначальника. Для не японцев Симахира пояснил, что тэнгу – персонаж японского фольклора, похож на человека с крыльями и очень длинным носом, знаток обращения с холодным оружием, иногда некоторые герои учились владению им у тэнгу, хотя, в основном, он к людям относится не очень хорошо, так как люди приносят вред природе, а он её охраняет. Воин может быть назван Другом Тэнгу, если выучился у тэнгу настолько хорошо, что признан им равным себе, и тоже заботящийся о природе. Это в фольклорном варианте, а в реальной жизни это, скорее всего, просто воин, фантастически хорошо управляющийся с мечом (двумя мечами, нагинатой и т.д.) и потому его считают учеником тэнгу, достигшим уровня учителя.

Учёные сказали, что этих сведений вполне достаточно. Произведя розыски в исторических записях, они выяснили, что Тэнгу но Томодати был кшатрием, вынужденным покинуть Индию после того, как в 13 веке весь север Индии оказался под властью тюркских мусульманских султанов и там образовался Делийский султанат. То есть задолго до Бабура, создавшего в Индии империю Великих Моголов в начале 16 века. Тем не менее, те более древние войны были не менее жестокими, и мусульманские султаны сходным образом отбирали земли у раджей и отдавали тюркской мусульманской знати, разрушили тысячи храмов и построили на их месте мечети.

Пройдя, очевидно, Тибет и Китай, где он себе места не нашёл, предок Симахиры каким-то образом добрался до Японии, где и поступил на службу к опальному роду Тайра. Будучи при этом спрошен об имени, будущий Тэнгу но Томодати, которого тогда, естественно, звали как-то по-другому, упомянул вместе с именем и то, что он из варны кшатриев. Это слово, «кшатрий», звучавшее в 13 веке как «кшатрийя», ошибочно принятое за главную часть имени, звучит в японском произношении как Кушаторийя. (Симахира удивлялся всё более: привлечённые Преми для пока что неведомой ему цели брахманы знали японский. Возможно, он зря пояснял им, кто такой тэнгу и что означает имя Тэнгу но Томодати).

Имя Кушаторийя записывается по-японски шестью знаками катаканы #####, а именно, «ку», «ши», «а», «то»,

«ре», «я». Такого слова в японском нет, но можно составить его из трёх частей: двух слов, kusha и tori, и суффикса -ya. Первое слово, «общественный дом», обозначается иероглифами ## (ku, которое #, – это «вместе», а sha, которое #, – это «дом»). Второе – это «птица-курица» (как знак зодиака #, а как птица-курица #, и то, и другое читается как tori). Суффикс # -ya обозначает деятеля, человека, занятого чем-то связанным со значением основной части слова. Таким образом, в японском звучании этого благородного санскритского слова ошибочно вырисовывается малопочтенное занятие – что-то вроде служителя при общественном курятнике. (Возможны и ещё более обидные прочтения, так, kushakusha-sugu – мять, морщить, лохматить. Получается какой-то специалист по топтанию курей, что и вовсе звучит неприлично. Так что общественный куровод в сравнении с этим лучше, но всё равно – плохое имя).

На самом деле, наверное, глава рода Тайра усмотрел такое значение только по причине опального положения рода. (Точнее, он сделал так по версии архивных брахманов, не скрывавших презрения к варвару, который счёл неблагозвучным такое хорошее санскритское слово). Глава рода не мог потерять лицо, принимая на службу самурая с таким именем, как бы высоко он ни оценил его воинские способности.

Недолго думая, он велел переименовать его, присвоив ему имя с противоположным значением, хотя и чем-то связан-

ное с прежним, а именно, Тэнгу но Томодати (Тэнгу – ## Tengu, Томодати – ## Tomodachi), где тэнгу, могучее летающее создание, заменил как противоположность, плохо летающую птицу курицу, а друг – прислужника.

К сожалению, в результате этого печального недоразумения выяснить первоначальное индийское имя предка уважаемого Симахиры не представляется возможным.

Однако, к счастью, в результате этого же события он, несомненно, может с полным правом относить себя к варне кшатриев, о чём ему будет немедленно выдан соответствующий документ.

Только теперь Симахира понял, зачем всё это затевалось, и поразился тому, как просто, оказывается, стать кшатрием.

(Позже историк объяснил ему, что со стороны архивных брахманов это был настоящий интеллектуальный и психологический подвиг. Ведь санскрит – язык богов и праязык человечества, так что для них было очень трудно заставить себя так унизиться, чтобы встать на точку зрения носителя японского и представить себе, что он мог неправильно истолковать санскритское слово. Причём не просто неправильно, а придать ему какой-то нехороший, презрительный для воина смысл. Но иначе им не удалось бы объяснить переименование предка-кшатрия Симахиры).

Но оказалось, это ещё не всё. Документ был на самом деле выдан не ему, а Уксаве, который временно принял на себя

обязанности его отца. Симахира получил документ только после прохождения двух обрядов.

Он, кстати, узнав, что из него делают кшатрия, честно привёл аргументы против. Хотя его предок был самураем, а также многие его потомки, сам он не шёл путём воина, бусидо, и не был воином – буси. Его занятие, скорее, можно было отнести к оружейному делу. И то в большой степени условно. Но Уксава Преми не стал его слушать. Симахира решил, что, приняв помощь Тяосиня да Фенси, вручил, тем самым, свою судьбу в руки и этого индийского мудреца, и что последнему виднее, можно ли считать (или сделать) Симахиру кшатрием.

Первым обрядом было символическое очищение. Как кшатрий, бывший вне Индии и не имевший возможности исполнять все обряды и поддерживать необходимую чистоту духа, он должен был пройти специальный обряд очищения для индусов, вернувшихся из-за границы. Вообще-то в современном упрощённом виде обряд заключался лишь в обливании коровьей мочой, а в самом лёгком варианте в моче только смачивали ветку и слегка проводили ею по ногам очищаемого. Но в таком тяжёлом случае, когда не только сам очищаемый, но и длинный ряд его предков не был в Индии несколько веков, оценочно – около тридцати поколений (Симахира вспомнил родословную, нашёл, что поколений было тридцать два, но промолчал, чтобы не усугублять ситуацию: вдруг, например, тридцать поколений представляют со-

бой крайний случай, когда очищение вообще ещё возможно), пришлось вернуться к более сильно действующей старинной церемонии с вкушением панчагавы – очистительной священной еды. К счастью, Симахира только потом узнал рецепт её изготовления, а то ему было бы значительно труднее. Панчагава состоит из пяти основных продуктов, получаемых от священного животного – коровы, а именно, молока, йогурта, гхи (топлёного масла), коровьей мочи и навоза.

Не ограничившись этим, его ещё и обмазали жидким навозом. И тут же, как был, «чистого», позвали за праздничный стол. Было очень кстати заесть противный вкус во рту. Но предварительно смывать навоз не полагалось... Симахира только диву дался, глядя на такие исторические национальные скрепы. Но задумался: не кажется ли иностранцам в Японии, тем же индусам, например, что-то столь же странным и нерациональным, а мимо его взгляда проходит незаметно, так как является привычным элементом старинной традиции?.. С другой стороны, как он может догадаться, что это, если оно незаметно для его взгляда?

Очищением испытания Симахиры не закончились. Второй обряд назывался упанаяна, «второе рождение», его проходили все индийские мальчики трёх высших варн, именно поэтому брахманы, проходившие его на седьмом году от рождения, кшатрии, подвергавшиеся ему в тринадцать, и вайшьи, те начинали считаться взрослыми на семнадцатом году жизни, назывались двиджати, «дваждырождёнными».

Теперь обряд остался обязательным только для брахманов, но, опять же, в особо тяжёлом случае Симахиры – спустя тридцать поколений, пришлось «вернуться в прошлое». Обряд для него был сложным, состоял из множества этапов и длился неделю. Считается, что нужно три дня, но ещё день заняла подготовка, в которой Симахира, понимавший цели отдельных действий весьма поверхностно, только когда их ему поясняли, никаких существенных отличий от собственно обряда не увидел, а удвоение протяжённости упанаяны было сочтено необходимым в данном особом случае, ведь он проходил её с опозданием: не в тринадцать лет, а в двадцать шесть. Удвоение длительности обряда должно было как-то компенсировать удвоение возраста посвящаемого.

Итак, предварительно соорудили специальный навес перед домом и совершили множество подготовительных обрядов. Умилостивляли бога-покровителя Ганешу и некоторых богинь: Шри, Лакшми, Сарасвати и других, имена которых Симахира даже не запомнил.

В ночь накануне церемонии Симахиру намазали жёлтым порошком, что символизировало нахождение в утробе матери перед рождением, а на чуб надели серебряное кольцо. Брахману его вдели бы в ухо. Ночь было велено провести в абсолютном молчании, как если бы Симахира вновь стал ещё не рождённым и бессловесным младенцем. Храпеть также не позволялось, в связи с чем Симахира практически не спал. Но его предупредили, что очень скоро ему удастся отоспать-

ся.

На следующее утро должна была состояться церемония последней совместной еды с матерью и угощение нескольких мальчиков, товарищей по детским играм, ведь предстоял как бы уход в дом учителя. Роль матери сыграла жена Уксава, а на роли мальчиков он пригласил трёх своих студентов. Симахира их не знал, и не познакомился ближе позже, они учились на старшем курсе, а он знакомился впоследствии, в основном, с первокурсниками.

После угощения Уксава с женой – «отец и мать» – отведали сонного и покорного Симахиру под навес, где на алтаре горел жертвенный огонь. Там опять ели: теперь угощали брахманов, которые должны были как бы стать учителями Симахиры, ибо упанаяна – это и второе рождение и, одновременно, получение статуса ученика. Угощение для брахманов было вполне реальным, но, в то же время, обеспечивало духовную заслугу и каким-то образом символизировало смену статуса. Почему-то кшатрий должен был учиться тоже у брахманов. А как же воинские искусства? Симахира не решился спросить. И так забота о нём превышала всё, чего он мог бы пожелать. Было бы неуместно демонстрировать плохую информированность, которую можно легко принять за сомнения в правильности проведения священного обряда и компетентности проводящих его специалистов!

Тут же решимость Симахиры во время «второго рождения» молча повиноваться всем указаниям, каковы бы они

ни были, подверглась испытанию. Один из присутствующих оказался не брахманом, а цирюльником, который, когда настала его очередь участвовать в церемонии, налысо побрил Симахире голову. Тот не стал возражать. Поздно, неуместно, да и, в таком жарком климате, почему бы и нет?

Затем ему разрешили, наконец, смыть жёлтый порошок. Омывание тела символизировало очищение души. К счастью, жена Уксава к этому времени ушла в дом; впрочем, при начале церемонии многие прохожие останавливались посмотреть и образовали довольно плотную толпу вокруг. Женщин в ней было, пожалуй, больше, чем мужчин. Хотя коже от порошка было довольно неприятно, Симахира постарался помыться и надеть набедренную повязку как мог быстрее. Повязку ему выдали новую, это тоже было частью обряда. Осознавая себя отныне членом общества, нужно было соблюдать общественные приличия и поддерживать своё достоинство.

Очистительные действия не ограничивались только омыванием, пришлось также вкусить панчагавы, к счастью, гораздо меньше, чем в церемонии очищения после «возвращения» из-за пределов Индии спустя века после убийства. Часть продукта возложили на алтарь, в дар богам, а часть Симахира послушно проглотил. Жидким навозом только что помывшегося «мальчика» не обмазывали. И то хорошо. А то – мало ли?

Уксава подтолкнул Симахиру к одному из брахманов,

который играл роль непосредственно учителя, и Симахира произнёс старательно выученный текст (на санскрите!) – просьбу взять его в ученики. В ответ тот, принимая просьбу, подарил «ученику» верхнюю одежду (которую, как прекрасно видел Симахира, ему перед тем передал Уксава) и сказал стихами, также на санскрите: «Так же как Брихаспати надел одежду бессмертия на Индру, так я надеваю эту одежду на тебя ради долгой жизни, жизни до старости, силы и блеска» (Симахире заранее перевели). В древности, когда арии были скотоводами, это была бы (для кшатрия) шкура пятнистого оленя, но с развитием ткачества она была заменена. Но этого Симахире никто не объяснял, он это сам нашёл в сети в каком-то этнографическом тексте. И ему хватило ума не спрашивать в ходе обряда, так ли это. Во-первых, «отец» объяснил ему, что то, что делается сейчас, делалось испокон веков. Во всяком случае, полагается так считать, понял Симахира. Если бы он захотел реформировать обряд и ввести в него запуск фейерверка, ему следовало бы найти древний текст об этом обряде, в котором было бы описание чего-то похожего, и сослаться на него, чтобы «вернуться к обычаям предков». Во-вторых, он уже знал, что кожа считается нечистой материей. Даже кожаная обувь конструируется так, чтобы при надевании не приходилось касаться её руками. Если бы современные брахманы услышали о шкуре оленя в качестве священной одежды, они, надо полагать, попадали бы в обморок. Очевидно, то, что ведийская религия, откуда ро-

дом обряд упанаяны, имеет мало общего с современным индуизмом, для индуистов большой секрет. Включая уважаемых учёных брахманов. Настолько большой, что, попытайся он его раскрыть, ни к чему хорошему это не привело бы.

Одежда была из жёлтого хлопка. Естественно, так делалось всегда. Симахира, однако, знал, что раньше ему полагался бы лён, брахману – пенька, вайшье – шерсть. Ткань тоже раньше была бы у него не жёлтой, а окрашенной мареной. Не той, что Марена (Морана, Мара), богиня смерти и зимы у славян, или злой демон Мара у буддистов, а растение, из которого получается ярко-красная краска, потому что, собственно говоря, «варна» означает не только сословие, но и цвет! В частности, кшатрии ассоциируются с красным цветом, цветом огня, войны, решительности и энергии. В то же время у брахмана одежда была бы коричневой (хотя брахманы ассоциируются с белым цветом), а жёлтой – у вайшьи. А ещё раньше одежда была бы белой у всех. Некрашеной и нестиранной. Считается также, что она соткана в доме ученика в ночь перед церемонией, но сейчас это условность, можно купить; к тому же, если она соткана в доме ученика, почему считается, что её дарит брахман, к которому тот поступает в учение? Естественно, Симахира не стал спрашивать.

Учитель также повязал ему пояс, произнося соответствующие стихи. Пояс был важным религиозным символом. Он был сделан в виде тройного шнура, в знак того, что ученик

всегда будет окружён тремя ведами. Пояс считался дочерью веры и сестрой мудрости, и обладал силой охранять чистоту и целомудрие и удерживать от зла. Для кшатрия он делался из тетивы, так что, наверное, имел когда-то и практическое значение, как догадывался Симахира. Мало ли, на боевом луке тетива порвалась, а тут три запасных. (Впрочем, священный пояс сразу сняли и спрятали, заменив обычным, из хлопка).

После священного пояса Симахира был удостоен надевания жёлтого священного шнура. Здесь это было как раз в рамках возвращения к обычаям предков: современный кшатрий обошёлся бы в рядовом обряде без шнура, он теперь полагался только для брахманов. Но это же не рядовой обряд, а редкий случай возвращения кшатрия после восьми веков отсутствия! (Впрочем, возвращение к обычаям предков было не таким уж радикальным: Симахира знал, что в древности шнур был бы у него, как у кшатрия, не жёлтым, а красным). Для того, чтобы его изготовить, у «мальчика» заранее измерили ширину четырёх пальцев. Шнур имел длину 96 раз по четыре пальца, что, как считалось, равно удвоенному росту Симахиры. Точнее, считалось, что шнур имеет такую длину. Симахира прикинул в уме и понял, что длина шнура получилась бы, скорее, как четыре его роста – и как его носить? Похоже, древние индусы имели очень тонкие пальцы или же были вдвое выше современных людей. Либо это тоже какая-то условность, либо он что-то недослышал в

объяснениях. К счастью, реальный шнур вовсе не выказывал желания волочиться по земле. Он закреплялся на левом плече и спускался диагонально сзади и спереди к правому боку. То есть был бы примерно метровой длины, если развязать. При совершении неблагоприятных обрядов (если б Симахира знал, что это такое, неблагоприятный обряд, но ему забыли разъяснить) следовало перевесить его наоборот, а вообще носить всю жизнь. Учитель показал ему на собственном шнуре, что при отправлении естественных надобностей нужно приподнять шнур и повесить на ухо во избежание скверны. Три нити, спряденные дочерью брахмана, и скрученные в шнур самим брахманом, представляют, как объяснили Симахире, три качества (гуны) – добродетель, страсть и неведение, – из которых образовалась Вселенная. Три нити шнура напоминали Симахире, потомуку кшатрия Тэнгу но Томодати, что он должен заплатить три долга: древним мудрецам-риши, предкам и богам. Три нити шнура связывались вместе узлом, который символизирует Брахму, Вишну и Шиву. Учитель, надевая на ученика священный шнур, повторял соответствующую мантру, прося о силе, долгой жизни и блеске для «мальчика», в то время как «мальчик» смотрел на солнце – к счастью, недолго. Ученик мог носить только один священный шнур. Женатый человек мог носить два – свой и жены. (Симахира обзавёлся вторым шнуром удивительно скоро после первого...)

Вручение шкуры пятнистого оленя было пропущено, об

этом древнем обычае он только читал. Когда-то это было частью обряда. Для брахмана – шкура антилопы, для вайши – шкура козы или коровы. Потом она была заменена священным шнуром, потом вернулась, и стали выдавать и то, и другое, но теперь лесов и диких животных в них стало слишком мало. Симахира не стал никого спрашивать, чем шкура была заменена раньше – одеждой из ткани или священным шнуром? Упоминание шкуры было уже в описании «подаренной» учителем одежды. А если шкура заменялась поочередно ими обоими, потому что после замены возвращалась обратно в обряд, то чем заменялась раньше, а чем позже? Этого в этнографическом тексте не было. А индуистские брахманы ведийских обычаев ни с какими шкурами точно не знают. Одно прикосновение к шкуре – повод для обряда очищения. А шкура коровы?! Это вообще немыслимо.

Наконец, Симахиру отвели в пустую комнату в доме учителя и оставили там на шесть дней, в течение которых нужно было, будучи облачённым в новую одежду, вести аскетический образ жизни, читая мантры. Еду, довольно скудную, и воду ему приносили, когда он спал, чтобы он ни с кем не общался. Выбрать момент, когда он спал, было не очень сложно: спал он очень много, и ночью, и в самое жаркое время дня, и ещё один или два раза между ними. Хотя пол был довольно жёсткой заменой и традиционному японскому футону, и матрасам современных отелей, что ещё делать в пустой комнате? Гимнастику? А будет ли это аскетическим об-

разом жизни, или нужно только размышлять о вечном? Может, и можно было бы считать гимнастику частью аскезы, особенно, надо полагать, упражнения йогов, но он не догадался спросить заблаговременно.

Последнюю ночь Симахира, выспавшись за недосып и впрок (и отлежав все бока), не спал совсем. В голове крутились надежды и опасения. Похоже, ему, наконец, стали доверять, вернее, верить, что он может сделать что-то значительное – прекрасно! Особенно приятно после долгого тотального недоверия. Но сумеет ли он оправдать это доверие? Вдруг ему только кажется, что его идея осуществима? И что, будучи изготовлено, его изобретение хоть кому-то понравится, хоть кого-то поразит, хоть кого-то заинтересует? Вдруг, наоборот, все от него тут же отвернется? Впрочем, – говорил он себе, – такие размышления не только недостойны ни самурая, ни кшатрия, но и для любого человека они совершенно лишние.

Наконец, ему разрешили выйти. Отныне он считался кшатрием.

Вообще-то, ему, как оказалось, должны были в ходе обряда дать новое имя. Уксава и «учитель», посоветовавшись, предложили перевод на санскрит имени его предка со значением, по-прежнему, «Друг Тэнгу». Слова «тэнгу» в санскрите они не нашли, но записали его азбукой деванагари как tēṅṅi, где ṅṅ в ṅi превращает модификатор – дуга под буквой. Что касается слова «друг», оно имеет в санскрите шесть

различных вариантов. В общем-то, годится самый первый, Митра *mitrá*. Это друг, приятель, товарищ. А также подруга и приятельница.

Симахира не стал спрашивать, отличается ли написание подруги и приятельницы от друга и приятеля, хотя оказаться вдруг приятельницей тэнгу ему не хотелось. Потому что сама идея ему настолько не понравилась своей помпезностью, что он отказался носить имя благородного предка наотрез. – Недостойн, – сказал он. Тогда они перевели на хинди его собственное имя, означающее, если его разделить на два слова, Сима и Хиро, Остров Широкий. Получилось *Vistrit Dveer*, что звучало как Вистрит Двип и напоминало, как ему показалось, западное имя. Так вполне могли бы звать англичанина или американца. Правда, в точности таких слов по-английски Симахира не знал. Слова «*dveer*», наверное, и не было, но были «*deep*» и «*to veer*» – «глубокий» и «ухаживать за». К сожалению, «*veer*» означало также по-английски, как существительное, «вице-президент». Симахира раскритиковал и эту пародию на западное имя, и ему оставили его собственное. Он согласился принять на себя ответственность за возможные проявления недоверия к нему, человеку, утверждающему, что он – кшатрий, но носящему иностранное имя. Вообще-то иностранцы, по определению, были людьми вне варн и каст, вне традиционного индийского социума. «Учитель» приписал к документу, выданному архивными жрецами, разыскавшими кшатрийские корни пред-

ка Симахиры, описание его упанаяны, и внёс туда прежнее имя Симахиры в качестве нового. На этом «обучение» у него нового кшатрия было закончено.

Что касается настоящего, не символического обучения, Преми замолвил словечко перед какими-то знакомыми бюрократами, и Симахиру – в середине второго семестра! – зачислили в Индийский институт технологии, на бюджетное место, с общежитием и стипендией. Совсем небольшой ВУЗ, всего 300 студентов, 100 преподавателей. Почему не в Калинга институт промышленной технологии, 9 тысяч студентов, 3 тысячи преподавателей? Или ещё какой-нибудь из восьми ВУЗов Бхубанешвара, где его неожиданное появление было бы не так заметно и подозрительно похоже на какое-то нарушение правил? Видимо, в институте технологии у историка или его знакомого чиновника были лучшие связи в руководстве ВУЗа. Ну да, естественно – это стало ясно после того, как оказалось, что и сам Преми там преподаёт. Технологии – технологиями, а историю обязан знать каждый гражданин Республики Индия! Чтобы осознавать ответственность поколений и стараться быть достойным своего места в этой бесконечной цепочке.

Правда, приняли Симахиру с обязательством сдать не позже чем в ближайшую сессию тройной набор экзаменов: вступительные и за оба семестра. В принципе, пропущенные экзамены можно было сдавать и посреди семестра, найдя со-

ответствующих препов и договорившись с ними, но Симахира решил не заморачиваться, потому что его собственные исследования продвигались теперь семимильными шагами и были близки к завершению.

Вдобавок он познакомился с Агатой, учившейся в той же группе.

Удивился западному имени. На ближайшей лекции заглянул в сеть – что там про имя Агата, в качестве темы для разговора. И попал впросак. Её имя оказалось вовсе не западным, происходящим из Древней Греции, как он прочёл в сети, а санскритским, как многие индийские имена. Впрочем, темой для разговора оно всё равно послужило. Оказалось, Агата даже не знала, что на Западе есть такое имя. И с интересом выслушала пересказ Симахирой содержания двух сайтов, которые он успел просмотреть, и даже немного поэкспериментировать на одном из них...

Оба сайта объясняли происхождение имени от греческого ἀγαθή "добрая" или "хорошая". И оба, не ограничиваясь прямым значением, приписывали всем западным Агатам дополнительные черты характера, не связанные с добротой, рассуждая, скорее всего, так. Хороший ребёнок – это тихий ребёнок. Следовательно, девочка слегка отчуждённая, не любит коллективные игры, предпочитает одиночество. Видимо, с малых лет горда и самолюбива. Друзей почти нет, но если есть, то настоящие. Играет с мальчишками и в «муж-

ские» игры. Фехтование на палках, игра в ножички, пристенок и т.д. (Таких игр, кроме первой, Симахира не знал). Неплохо успеваает по математике и другим точным наукам. С гуманитарными сложнее, ведь там нужно рассказывать стихи и делиться мыслями, пусть и на заданную тему. Затронув тему здоровья, первый сайт характеризует его как среднее и советует беречься в холодное время года.

Авторы другого сайта дали гораздо больше воли фантазии, привлекая данные с потолка. Точнее, с неба – из астрологии. Беречься зимой от простуды Агате не надо, наоборот, её идеальное время года – зима, планета-покровитель – Нептун, стихия – вода, животные – кит и дельфин. А вот лучший знак Зодиака (что значит лучший знак Зодиака для какого-то имени, вообще?) – почему-то не Водолей, а Дева. Наверное, Водолей занят другими именами. И ещё много такой же чуши.

И Симахира, и Агата, оба не знали, что святая Агата (она же Агафья) считается покровительницей острова Мальта, микроскопического государства Сан-Марино (вопреки названию, явно происходящему от некоего святого Марина) и города Палермо. Приведено также несколько знаменитых Агат, из которых Симахира знал только английскую писательницу Агату Кристи, но всё равно не мог соотнести её с предложенным портретом, так как не интересовался её биографией. А украинскую писательницу, итальянскую журналистку, французскую и испанскую актрис, португальскую пе-

вицу, польскую волейболистку, президента Мальты (ну ещё бы её не выбрали, с именем покровительницы острова) и члена парламента Индии вообще не знал.

Агата, кстати, тоже не знала, что её тёзка заседает в парламенте, но усомнилась, что авторы сайта правильно отнесли её к западным Агатам – скорее уж, у неё санскритское имя, как у собеседницы Симахиры. Впрочем, скорее всего, эта санскритская Агата тоже ей не настоящая тёзка. В санскритском словаре слово «агата» означает «гость», если последнее «а» короткое, а если долгое, то «гостья». При этом первое «а» долгое. Вот, наверное, та Агата и есть такая Гостья в парламенте. В имени же студентки первое «а» краткое и означает отрицание. Хотя и сконструированное по правилам санскрита, получившееся слово нельзя найти в словаре... Симахира не решился спросить, каково же значение ей имени. Он не понял, полагает ли она само собой разумеющимся, что сказанного ему достаточно, чтобы самому это понять, или, напротив, не хочет, чтобы он понял. Считает, что это слишком личная информация...

Как и первый сайт, этот тоже приписал было всем Агатам замкнутость и повышенную самооценку, но, противореча этому, тут же представил её характер как чрезвычайно общительный. Много друзей, коммуникабельность, дружелюбие, оптимистичность, весёлый нрав и т.д. Конфликты только с преподавателями – много спорит, если считает себя правой, то не промолчит. В этом, наверное, она сходна с Агата-

ми с предыдущего сайта.

Обнаруженные противоречия Агату развеселили, тогда как при знакомстве с характеристикой с первого сайта она выглядела задумчивой. Ведь все эти характеры рисуются так, чтобы любому человеку казалось, что да, это про него. Симахира счёл своим долгом обратить на это её внимание, чтобы она не удивлялась якобы точному попаданию, и, кажется, она была ему за это благодарна, ведь не в его (эгоистических) интересах было дезавуировать найденные им сведения о её характере, тем более если она сама признаёт, что они похожи на правду. И тем более, если она не любит раскрывать свой внутренний мир.

Больше всего авторы второго сайта оттянулись на теме выбора подходящего для Агаты супруга по четырнадцати важным чертам характера, оценённым численно. Черты характера определялись, разумеется, по имени жениха. Симахира заинтересовался этой темой. Правда, он не признался – не в первом же разговоре! – что прежде всего поискал там в списке себя, и, естественно не нашёл. Но просмотрел всех женихов на букву «С» (Савва, Савелий, Самсон, Святослав, Себастьян, Семён, Сергей, Станислав и Степан), и нашёл, что в среднем их совместимость с Агатами, по расчётам авторов сайта, не хуже короткого списка имён, предложенного как наилучший выбор (Валерий, Варлаам (наверное, имелся в виду Варлам или Валаам), Венедикт, Виссарион, Григорий и Евдоким). Тогда он усомнился в правомерности пред-

ложенного списка, и, проверив в нём каждого, убедился в том, что список, очевидно, составлялся не теми же людьми, что рассчитывали совместимость по различным чертам характера. Или они успели в какой-то момент поменять способ расчёта. Потому что средний показатель совместимости в списке наиболее благоприятных женихов был не особенно больше, чем в списке наименее благоприятных (Аким, Александр, Андрей, Гавриил и Ермолай)!

Окончательно развеселившись, Агата попросила Симахиру вызвать сайт, и они вместе попытались сформировать более правильный благоприятный список. Проверили все имена и определили, что это будут Алексей (совместимость с Агатой 68%, что бы это ни значило), Виталий (65%), Ростислав, Руслан и Тимофей (63%), Аристарх и *Григорий* (61%), Илья, Иосиф и Никифор (60%), Прохор и Тарас (59%), Агафон, Анастасий и Валентин (58%), Артур (57%), Арсен и Мирон (56%), Богдан, Влад, Владислав, Владлен, Евгений, Кузьма, Лев и Модест (55%), *Максим* и Марат (54%), Альберт, Захар, Фёдор и Филат (54%), Бенедикт, Борис, Булат, *Виссарион*, Константин, Наум и Чарли (53%), Борислав, Бронислав, Иван, Игнатий, Кондрат, Платон и Роман (52%), Архип, Магдалина и Ренат (51%), Авраам, *Алексаендр*, Вилен, Демьян, Ждан, Казимир, Олег и Пётр (50%). Имена, упомянутые в списке рекомендованных женихов, они записали в свой список курсивом, и убедились, что они разбросаны довольно равномерно – те, что вообще в него попали, а попа-

ли три из шести. Четвёртый, Александр, в форме с опечаткой – Алексаендр, умудрился просочиться из списка нежелательных женихов. Вот так всегда и бывает! Но больше всего их порадовал крайне политкорректный жених по имени Магдалина. Или не очень политкорректный, учитывая, что она всего одна.

Агата с удовольствием возилась с цифрами, притом что на самом деле они, очевидно, не имели особого значения, потому что сайт явно был сделан левой ногой, и притом что она не заинтересовалась предполагаемыми характерами даже чемпионов по совместимости. Заметив, что Симахира слегка удивлён, она предупредила его, что у неё есть такая привычка, или черта характера, или что-то вроде: на неё время от времени нападает приступ арифметического бреда, как это называли её родители. Она увлекается каким-нибудь расчётом, которого или вообще можно, в принципе, не делать, или, по крайней мере, не уделять ему столько времени. Но ей нравится что-нибудь посчитать. Рассказав это, она, казалось, опасается, что собеседник выскажется о такой привычке неодобрительно. Ничего подобного Симахира, естественно, делать не собирался. Наоборот, его тронул такой знак доверия. Особенно ценный, если она и правда старается не распространяться о своих личных качествах, о чём говорит её серьёзная реакция на характеристику, данную на первом сайте. Ко второму, где её псевдо-тёзкам приписали общительность и коммуникабельность, она явно отнеслась

более пренебрежительно.

Он понял, что в качестве ответной откровенности как раз правильный момент рассказать о своей сверхценной никем не понятой идее. Никем, кроме его самого и, с недавнего времени, престарелого китайского философа. Или это идея, захватившая его, поняла, что можно попытаться расширить круг поклонников с двух человек до трёх, и создала соответствующее впечатление у него в уме?.. Симахира заговорил, и говорил долго...

Ну что сказать, новой поклонницей в полном смысле слова идея не обзавелась. Хотя бы потому, что Агата ничего не понимала в искусстве, которому посвятил себя Симахира. Но воодушевление, с которым он говорил, произвело на неё большое впечатление. Все её знакомые студенты и вообще все её знакомые или не говорили так ни о чём, или говорили о чём-то очевидно не столь уж для неё интересном и сугубо временном. Например, новом фильме и вообще о чём угодно, если имели восторженный по природе склад ума. Или, в редких случаях, о будущей карьере, что могло бы произвести на неё впечатление, если бы производил впечатление сам говоривший, но такого до сих пор не случалось. Ещё она могла припомнить такое воодушевление у политических и религиозных агитаторов. Те, в отличие от карьеристов, казалось, хотели осчастливить весь индийский народ, ну и всё человечество заодно, но что-то ей мешало проникнуться их воодушевлением. То их глупость, когда они не видели оче-

видных препятствий своим планам, в основном, в многочисленных людях, имеющих другую точку зрения, то их бесчеловечность, когда они препятствие видели, но относились и предлагали относиться к политическим и религиозным оппонентам как к нелюдям. В итоге намерение нести людям всеобщее счастье превращалось в фикцию, а проповедник оказывался или марионеткой кого-то нечистоплотного, если сам верил в свою пропаганду, или скрытным карьеристом худшего вида, если сам не верил.

Симахира, наверное, тоже тщеславный в своём роде, ведь он тоже хотел бы как можно шире обнародовать своё изобретение, производил лучшее впечатление. Он не претендовал на то, чтобы всех осчастливить, разве что – кого ошеломить, кого повеселить. О какой-то выгоде он тоже не думал. Скорее, он напоминал поэта или художника, жаждущего признания своего таланта, который и толкал его на новые и новые попытки объяснить людям своё видение мира. Таких, хоть они и в меньшинстве в обществе, и она ни с кем из них знакома не была, довольно много, и они редко добиваются признания при жизни, но это их редко смущает.

Казалось бы, что общего между физиком и даже техником Симахирой и лириками – поэтами и художниками? Но Агата знала, что учёные древние греки полагали только философию и математику достойными именоваться наукой, физику же относили к «технэ» – чему-то прикладному и недостойному занятий настоящего учёного. Так, коллеги осужда-

ли Архимеда, тратившего время на «технэ», когда он от чистой математики переходил к оптике или, тем более, к рычагам и шестерёнкам, или рассчитывал устойчивость корабля в зависимости от формы корпуса, или помогал тирану Сиракуз Гиерону узнать, из настоящего ли золота сделана его корона, показавшаяся ему слишком лёгкой. История показала, что «технэ» может быть не менее ценной, чем «наука»: в описании римского хрониста при штурме Сиракуз римской армией её командующему противостоял не Гиерон или какой-нибудь его военачальник, а именно Архимед в его оборонительными машинами... Таким вот способом, через военное применение, физика и техника добились уважения человечества, а люди, придумывавшие что-то новое в этих областях, оказалось, занимаются наукой. Почему не сделать следующий шаг, и не признать их своего рода художниками? Ведь сами себя они так и воспринимают. Техническое и научное творчество – тоже творчество. Особенно верно это в отношении таких техников, как Симахира, ведь их изобретения и должны были представлять собой впечатляющее зрелище. Не всем же оружие делать и заботиться о его убивательной способности, хотя она и называется поражающей способностью. Вот изобретение Симахиры обладает настоящей поражающей людей способностью. Если ему удастся это доказать.

Ведь не может же быть, чтобы не неё произвела впечатление ничем не примечательная внешность парня, правда?

Значит, это был его дух, не укрощённый постоянными провалами попыток заинтересовать кого-нибудь своим грандиозным проектом. В отличие от художников, техники для воплощения своих замыслов, увы, нуждаются в значительном финансировании.

Наверное, Симахира тоже поддался обаянию бунтарского духа Агаты, уехавшей учиться в университете в Бхубанешваре от своей семьи в Каттаке, несмотря на сопротивление последней. Сопротивление, как она полагала, было обусловлено не желанием держать дочь вдали от современного образования (хотя, в принципе, это тоже имело смысл – замуж выдать гораздо проще глупую девушку, чем умную, а какие же родители не мечтают о хорошем замужестве для дочери, и тут предпочтительно иметь широкий выбор, думают многие), а опасением отпустить её из-под своего присмотра. Ещё свяжется с неподходящим парнем. Их опасения оказались справедливыми – она связалась с Симахирой, которого её родители точно не сочли бы подходящим женихом.

Он ведь тоже был своего рода бунтарём, тем самым сверчком, из всех сил сопротивляющимся желанию общества отмахнуться от него и заставить знать свой шесток. Так что тут два бунтарских духа нашли друг друга.

Но, разумеется, ещё прежде духовной энергии его притягивала её внешность. Она была почти обыкновенной для Индии, или, во всяком случае, для штата Орисса, недавно переименованного в Оришу. Почти таких по типу девушек

было сейчас вокруг него много. Полненькая (западная мода модельным девушкам морить себя голодом больше проникла в Японию, чем в Индию. По неодобрительному мнению Симахиры, она проистекала то ли из попыток феминисток стать равными мужчинам, а вместо того часто старающихся стать на них во всём похожими, хотя это совсем не то же самое. То ли из усилий модельеров, среди которых почему-то оказалось много лиц нетрадиционной ориентации, сделать женщин приятными в собственных глазах), примерно настолько же смуглая, как, в среднем, японские девушки, но с иным оттенком кожи, большими выразительными карими глазами под изогнутыми идеальными дугами густыми бровями, прямыми чёрными, даже чуть с синевой, волосами, ровным тонким носом и лицом в виде очень правильного овала – экзотическая для японца внешность была у всех этих девушек. Но ему было как-то не них, что ли, или они все казались ему на одно лицо, или он побаивался их слишком яркой красоты и жгучих взглядов. В общем, желания познакомиться с этими прекрасными представительницами арийской расы почему-то не возникало. А у Агаты во внешности обнаружилась очень симпатичная именно для Симахиры черта, которую вряд ли кто, кроме него, здесь замечал: когда она улыбалась или, тем более, смеялась, лицо делалось в значительной степени более японским. И заметные скулы как будто появлялись, и разрез глаз более монголоидным, и даже нос, казалось, чуть-чуть уплощался и делался шире и

более курносом. . .

Орисса – Одиша – восточный штат; а мусульманские завоеватели севера Индии и в 13, и в 16 веке были не монголы, а арабы и тюрки, пришедшие с запада. Основатель династии Великих Моголов Бабур, правда, был тимуридом по линии отца (сыном эмира Ферганы и прапраправнуком Тимура) и чингизидом по линии матери (гораздо более далёким потомком Чингиз-хана, но естественно, прямым потомком своей матери, дочери правителя Могулистана). Таким образом, он был на одну половину перс, на другую монгол. И всё-таки государство его было персидское, а мать замуж за его отца выдал сосед – кажется, получив перед тем помощь как раз в том, чтобы стать этим самым правителем. Что касается монголов, то их нашествие основанный в Индии персами Делийский султанат, более-менее успешно отразил. В общем, с той стороны было бы маловероятно проникновение на восток Индии монголоидных генов. Зато с другой стороны, с востока, близко Непал со смешанным населением и Тибет, в основном монголоидный. . . С третьей стороны, если соответствующего крупного переселения народов и не было, это не значит, что все люди так и сидели по домам. Кто-то сидел, а кто-то странствовал. С четвёртой стороны, вряд ли в брахманскую семью приняли бы не-брахмана, не говоря уже о человеке вообще извне социума Индии.

И вот, благодаря то ли случайному предку, то ли случайному сочетанию генов, давшему похожий эффект, каждая

улыбка Агаты стала для Симахиры как бы приветом из Японии. Которая, хотя и не принимала его всерьёз, так что он даже был вынужден её покинуть, но всё-таки – трудно ему было вдали от неё.

...Так или иначе, их потянуло друг к другу с неудержимой силой. Вскоре они признались друг другу в том, что любят, и ощущение счастья из часто посещавшего Симахиру в Индии, превратилось в непрерывное.

А теперь всё было ещё прекраснее. Исследования были завершены, и он вёз изготовленный образец для публичного показа на молодёжном фестивале в Вирджинии-Бич, курортном городе на побережье США.

Они с Агатой поженились, и, хотя это, кажется, могло в будущем грозить каким-то неприятностями с её роднёй, проживающей, к счастью, не в Бхубанешваре, а в Каттаке, пока всё было восхитительно. Агата и сейчас была с ним – её тоже включили в делегацию на фестиваль. Получилось настоящее свадебное путешествие. На медовый месяц не тянет, потому что гораздо короче, но всё-таки...

Летели они не на заурядном рейсовом самолёте, а на гибридном дирижабле, разработанном и построенном студенческим конструкторским бюро. Команда «Гибризавра» тоже летела на фестиваль, его там будут использовать для демонстрации постеров самого фестиваля Дружбы, а также, понятно, рекламы спонсоров фестиваля, ну а заодно будет рекла-

мироваться и сам дирижабль. И состояние науки и техники Индии, конечно. Хоть фестиваль организован для демонстрации возможности дружбы между молодыми людьми разных наций и политических ориентаций, у многих делегаций, как водится, есть свои цели.

По слухам, многие журналисты и эксперты пророчили организаторам фестиваля многочисленные драки между приглашёнными, анархо-коммунисты, де, подерутся с фашистами, а анархо-фашисты – с коммунистами, если уж не анархисты разных толков между собой, националисты с интернационалистами, тех поддержат лоббисты транснациональных корпораций, против них подключатся зелёные... Но организаторы стояли на своём: гораздо лучше, де, узнать об аргументах друг друга из первых рук, а не перегавкиваться в сети, не обращая внимания на суть аргументов оппонента и не сосредотачиваясь на их подборе самому. При личном общении придётся задумываться, что всегда полезно.

Но вся эта политика Симахиру не касалась. Когда они с Агатой не проводили время в каюте, наслаждались видами на обзорной палубе. Особенно в начале полёта, когда всё было в новинку.

Отлёт был назначен в пять утра, вылетели в шесть. Все были не выспавшиеся, но первые десять часов полёт проходил над Индией – маршрут пересекал её почти по всей ширине от севера юго-восточного побережья до юга северо-за-

падной границы с Пакистаном. Всем было интересно.

Основные помещения гондолы находились, как обычно, снизу, но обзорная палуба была вынесена вперёд и вверх и находилась на уровне середины высоты баллона. Если смотреть вперёд, баллон вообще не виден, а двигатели, находившиеся сзади, практически не слышны, и можно себе представить, что эта застеклённая площадка плывёт по воздуху сама по себе. Выпуклый плексиглас с очень низким непрозрачным бортиком позволял не только смотреть вперёд, но и заглянуть прямо вниз.

В отличие от дальних рейсовых самолётов, «Гибризавр», хотя мог подниматься до шести километров, летел невысоко и относительно медленно, хотя – как невысоко и как медленно? На высоте метров пятьдесят, на глаз довольно-таки высоко, и для дирижабля очень даже быстро, до 150 км/час! Гибридный дирижабль на то и гибридный, что сочетает в себе черты дирижабля и самолёта. Он использует подъёмную силу, создаваемую благодаря форме корпуса, для компенсации уменьшенного объёма гелия. Максимальная подъёмная сила достигается при максимальной скорости, при этом двигатели направляют дирижабль прямо вперёд и напрямую не участвуют в поддержании его в воздухе. Правда, сопротивление воздуха при этом тоже максимальное, так что самая большая экономия горючего получается при несколько меньшей скорости. Висеть на месте, как и вертикально подниматься или опускаться, он тоже мог – повернув двигатели вертикально

и превращаясь из сочетания дирижабля с самолётом в сочетание его с вертолётom. Ну, или с самолётом вертикального взлёта. Так он и стартовал в Бхубанешваре, однако с тех пор, набрав скорость, больше не зависал. Сборы заняли больше времени, чем планировалось, и теперь они торопились к началу фестиваля.

Всё же джунгли не сливались в сплошной зелёный ковёр ни от высоты, ни от скорости, среди них обнаруживались реки, небольшие полянки, особенно на склонах холмов, на фоне листвы пролетали яркие тропические птицы, слышались звуки, издаваемые птицами и зверями. Двигатели, защищённые сеткой, не боялись попадания в них птиц, гудели не очень громко, так что дирижабль пугал лесную фауну, в основном, когда неожиданно затенял солнце.

Тем более не сливались в размытый зелёный фон поля, которых оказалось больше, чем лесных участков. Чётко разделённые на участки, то большие, то, вблизи деревень, крохотные, они позволяли видеть растущие рядами культурные растения, причём отношение крестьянина к своему делу выдавали ровные или неровные посадки. Чаще всего это отношение было общим для всей деревни, но бывало и наоборот. Агроному следовало бы использовать дирижабль для инспекции. Сами деревни выглядели забавно с высоты, с их крохотными домиками и сарайчиками. Иногда дирижабль облаивали собаки, но чаще его никто не замечал. В одном месте его испугались коровы, и пилоты поднялись выше,

чтобы не тревожить священных животных.

К сожалению, кроме полей и деревень и участков джунглей, путешественники натыкались и на города, и тут уж приходилось вспоминать, что из тридцати городов мира с самым грязным воздухом двадцать два – индийские. К счастью для Симахиры, в Бхубанешваре воздух был как раз довольно чистым... Но иногда попадающиеся по дороге города дирижабль огибал по большой дуге. Впрочем, вероятно, над городами просто запрещается летать всем, кроме зарегистрированных рейсовых самолётов, военных и тех, кто специально получил разрешение. Но, скорее всего, при организации их путешествия никому и в голову не пришло пытаться его получить – зачем?

Бывали и более «туристские» объекты. Не успели далеко уйти от Бхубанешвара с его множеством старинных храмов, как пролетели над развалинами, видимо, ещё более старинного храмового или дворцового комплекса, проглядывавшими между деревьев. Симахира вспомнил инфу для туристов: в Бхубанешваре, в его старинной части, известной как Город Храмов, из семи тысяч сохранилось пятьсот храмов. Конечно, число семь тысяч может оказаться преувеличением какого-нибудь древнего писца...

Все десять часов полёта над Индией подряд на обзорной палубе, понятно, никто не высидел. Постепенно разошлись по каютам отсыпаться после раннего отбытия. Кто-то даже в кают-компанию не зашёл. В кают-компании все разом и не

могли бы поестъ. Там был не особо большой стол, занимавший половину площади, восемь сидячих мест в виде двух лавок вдоль стен, большой холодильник с коробками замороженной еды, две СВЧ-печки и три электрических чайника прямо на том же столе... и огромная и очень мешающая ногам коробка с одноразовой посудой под столом. Конечно, с обстановкой кают-компании постепенно познакомились все. Там постоянно кто-нибудь что-то жевал. Графика устанавливать не стали. На обзорной палубе тоже постоянно кто-то был, хотя она была редко так набита, как в первые часы полёта.

Ощущение непрерывного счастья переполняло Симахиру... но на весь четырёхсуточный полёт его не хватило. И даже на первые сутки.

Сперва он заметил следы тревоги на лице жены, после того как она отлучилась в каюту и принесла тетрадку конспектов по истории, чтобы поучить её прямо на обзорной палубе. Не всё же время бездельничать. Вообще-то и Симахире имело смысл позаниматься историей. Хотя она не была в числе его любимых предметов, но её преподавал Уксава Прими... а этому человеку Симахира был слишком многим обязан, чтобы расстраивать его пренебрежением к предмету... хотя и странноватый у него взгляд на исторические события как на результат провокаций... причём не обязательно осознанных и, возможно, инспирированных не самим провокатора-

ми, хотя и поданных им кем-то в духе их интересов... Увидев её нахмуренные брови и отсутствующий взгляд, Симахира и сам встревожился, и спросил, что случилось, но она отговорила озабоченностью предстоящим экзаменом, притом что сейчас они пропускают занятия, сама над собой засмеялась, и её лицо вновь стало беззаботно счастливым. Ему надо было настоять на честном ответе. Потому что он подозревал, что она просто не хочет его огорчать. С другой стороны, получи он тогда честный ответ – что бы он мог сделать?..

Потом, в каюте, они опять были вместе, а ещё планировали своё будущее после универа.

В 16:00 под «Гибризавром» начался Пакистан, и перед этим он поднялся на среднюю для своих возможностей высоту три километра. Хотя полёт был согласован – через посольства всех стран, над которыми он должен был пролететь – но кто знает, что взбредёт в голову пограничнику, неожиданно увидевшему его прямо над головой? Ещё выстрелит рефлекторно, просто от неожиданности. Низко и быстро летящий объект почти ста метров длиной выглядит угрожающе. Наверное, пилоты обменивались какими-то сообщениями с пакистанскими диспетчерами или пограничными службами на земле, а пассажиры опять заполнили обзорную палубу: посмотреть на землю с большей высоты. Впрочем, довольно скоро основная масса разошлась, оставляя двух-трёхпятерых заменяющихся время от времени любителей празд-

ного наблюдения за медленно скользящим пейзажем.

Над Пакистаном летели пять часов, а в 21:00, как раз при пересечении границы Ирана, было назначено собрание делегации. На которое их с Агатой очень настоятельно пригласили.

А там начался ад.

Но не сразу. Сперва его, как и планировалось, попросили рассказать о сути его изобретения, явившегося результатом трёх лет расчётов и экспериментов, начатых в Японии и завершённых в Бхубанешваре. Ведь он включён в их делегацию – должны же они знать, что он собирается демонстрировать на фестивале. Он очень обрадовался. Жизнь не баловала Симахиру интересом людей к его любимому делу.

2. «Ченгон», Мыс Доброй Надежды

На подлодке «Ченгон» общих собраний не собирали. Не то чтобы времени не хватало – традиции не было. Да и места.

Её скорость, по совпадению, была, как у дирижабля, 150 км/час, что, между прочим, для подводной лодки показатель менее рядовой, чем для дирижабля. До недавнего времени максимальная скорость подводных лодок, несмотря на то, что для их образа действий «бей и беги» это один из самых важных тактико-технических показателей, не достигала и 90 км/час, скорости торпед. Потом РФ объявила об испытании беспилотной подводной лодки «Посейдон» со скоростью «более 200 км/час». Но на вооружении военно-морского флота РФ таких беспилотников пока нет. И эта цифра могло ещё оказаться дезой. Поэтому новая китайская подлодка – тем более, не маленький беспилотник, а нормальный крейсер – могла считаться рекордсменом. Тайным, впрочем. То, что экспериментальный корабль купила частная гонконгская фирма, было не меньшим рекордом, хотя и в совершенно другой области.

Конечно, при той же скорости маршрут вокруг Африки, повторяющий путь легендарной джонки «Кхэйин», должен был занять гораздо больше времени, чем напрямую. Не четверо суток, а почти неделю. Это не беспокоило китайцев, так как они и в путь вышли раньше индусов, и даже не на три, а

на четыре дня, и теперь уже огибали мыс Доброй Надежды, переходя из Индийского океана в Тихий. До США из Гонконга было бы проще добираться, пересекая Тихий океан, но им нужно было на восточное побережье Америки, а не на западное. Можно было бы также сократить путь, пройдя через Красное и Средиземное море, но подлодкам, которые не хотят привлекать к себе внимание, лучше было не плыть Суэцким каналом, глубина которого всего 20 м, а в окрестностях периодически происходят боевые действия, вынуждая Египет, собственника канала, держаться настороже. Неделя, если подумать, не так уж много, подумаешь, семь дней. У «Кхэйин» путь из Гонконга в США занял семь месяцев – с начала декабря 1846 года до июля 1847. Очевидно, быстроходная для своего времени «Кхэйин» имела среднюю скорость в 30 раз меньше, чем «Ченгон» – около 5 км/час, скорость пешехода на суше. При штиле 0, при редко выпадающем удобном ветре, может быть, 30, при урагане – гораздо больше, но только туда, куда унесёт, и потом возвращаться... То ли дело на подлодке – ураганы где-то там, наверху...

Условия на «Ченгоне» были, конечно, не в пример хуже, чем на дирижабле. Каюты почти одинаково тесные и там, и там, но ощущение простора сильно зависит от окон, а их-то на подлодке и нет. Пребывание в железном ящике на троих, причём все три койки располагались одна над другой, могло бы сильно действовать на нервы неподготовленным людям. Но, если кому-то из пассажиров и было не по себе, никто

не жаловался. Даже товарищам по каюте. Тоже традиции не было. Все априори считались подготовленными ко всему, а если кто-то нет – кто ему виноват?

Пассажиров было пятнадцать человек. Что – тоже совершенно случайно – совпадало с численностью индийской делегации.

Вместо общего собрания они пользовались совершенно противоположной системой коммуникации. Если какой-нибудь рядовой член отряда, «крайний» (в смысле, дальний от главного) имел информацию для всех, он не пытался сам всех оповестить. Он докладывал старшему тройки, «средняку», располагавшемуся, в данном случае, в той же каюте на нижней койке. Таких кают, условно низшего класса, было четыре. Условно, потому что по комфорту каюты более высоких классов от них не отличались. По занимаемой койке – или по каким-то другим правилам, более общим, чем для нахождения на корабле – они называли друг друга ## Shǒuxiān Шоу Синь («Первый»), ## Dì èr Ти Лаер («Второй») и ## Dì sān Ти Сан («Третий»).

Кстати, середняк Шоу Синь, руководитель тройки, мог находиться и в каюте среднего класса (таких кают было две), но там он был подчинённым и мог лежать только на одной из верхних коек. И звали его там, соответственно, Ти Лаер или Ти Сан. Правда, в отличие от низшей каюты, тоном ниже. Высота тона находилась в обратной зависимости от значимости должности. Если он был там, крайний, его подчи-

нённый, чтобы что-то ему сказать, должен был вызвать его в коридор, не входя и не заглядывая в каюту среднего класса, чтобы не контактировать с другим середняком и его начальником, «кулаком», ближним к шефу. (В другие каюты он и стучаться не должен был, а в коридор выходить – только если там никого нет. И ещё одно правило: из каюты выходить в маске – на случай, если другой член отряда не соблюдёт предыдущего правила).

Полученную инфу, если она действительно заслуживала того, чтобы быть доведённой до сведения всей делегации, середняк, начальник низшего класса, он же подчинённый среднего класса, сообщал своему начальнику – кулаку, тому, кто лежал на нижней койке в каюте среднего класса. И там уже этого кулака звали Шоу Синем – на тон ниже Шоу Синя в нижней каюте.

Или, впрочем, он мог оказаться на одной из верхних коек в единственной каюте высшего класса, в которой на нижней койке ехал глава всего отряда. Потому что двое его непосредственных помощников, кулаков, были начальниками над средним звеном. Тогда уже середняку придётся вызывать оттуда своего непосредственного начальника, он же кулак, помощник шефа, Ти Лаер или Ти Сан в начальственной каюте. Наконец, на следующем этапе передачи информации, она доберётся до шефа, называвшегося Шоу Синем в главной каюте. Ещё на тон ниже Шоу Синя средней каюты. А шеф уже решит окончательно, что с ней делать: посы-

лать вниз по разветвляющимся цепочкам, не посылать, или посылать как-то выборочно.

В принципе, всё это на «Ченгоне» не заняло бы много времени, другое дело – когда все находились в городе кто где. Однако эта схема применялась и там. Зато управляемость информации гораздо лучше, чем с этими демократическими общими собраниями. Информация – это ведь нечто вроде вируса, только не физического, а духовного. И тоже может быть как полезной, так и вредной... Ну и другие соображения повлияли на выбор такой системы коммуникации. Более важные.

Собственно, всё это теоретические рассуждения. А практически – откуда бы это у рядового члена отряда вдруг взялась какая-то инфа для всех, когда он находится точно в таком же положении, как все – в положении ожидания, безо всякого поступления информации извне?

3. «Гибризавр».

Собрание коллектива

Устроить собрание на борту дирижабля было проблемой, а терять время на остановку и приземление они не хотели. И так завозились со сборами. На «Гибризавре» же было только два помещения, где могли бы поместиться, хотя бы стоя, все пятнадцать членов делегации: обзорная палуба и кают-компания, если бы из неё вынести стол. Но куда его вынести?! А на обзорной палубе все бы всё время отвлекались. Вскоре должен был начаться впечатляющий закат...

Симахира предложил решение проблемы: не выносить из кают-компании стол, а перевернуть его ножками вверх. Тогда на нём можно будет стоять, совсем немного возвышаясь над остальными. Коробку с одноразовой посудой поставить пока что на холодильник, она большая, но лёгкая. А СВЧ-печки и чайники задвинуть под лавки.

Руководитель делегации Маюр Абхимани, который не меньше, чем Симахира, не любил, когда на собрании не слушали докладчика, не преминул поблагодарить его за отличную идею.

– Сразу видно изобретателя, – важно сказал он.

Эта важность была смешной в самом молодом человеке из всей делегации. Симахира не удивился бы, если бы узнал,

что он по возрасту даже не первокурсник, а школьник. Раньше поступил, бывает. И не только с вундеркиндами.

Был он красавчик. Не совсем типичный для чистокровного индуса, каким должен быть брахман. Отчасти на перса похож – нос немного толстоват для чистокровного индуса, а кончик его загнут, как у хищной птицы. Тем не менее, красивый нос, да и все черты лица тоже. Треугольный подбородок, и, при соответствующей линии края волос, притом у женщины, это называлось бы «лицо сердечком»... Впрочем, нет, сердечко пришлось бы расставить по вертикали, сделав его боковые стороны не закруглёнными, а прямыми. Нежный юношеский пушок на месте усов и бороды, причём будущая борода избегает приближаться ко рту, обрамляя лицо по нижнему краю, как бы чтобы заставить владельца в будущем косить под модного мусульманина, вопреки всем взглядам бородача. А идеальные дуги тонких бровей намекали, казалось, на утоньшение их с помощью пинцета – удаление волосков с верхней части по краям и нижней в середине, сделанное, притом, мастером парикмахерского искусства или профессиональным визажистом. Сочетание намечающейся мужественности и утончённой соразмерности черт производило на Симахиру, как ни странно, неприятное впечатление, как фальшивый аккорд. Притом что он не мог отрицать, что Маюр – красавчик... Может, так работало его отрицательное отношение к назначению столь молодого человека на должность руководителя – не испортит ли это его? Или уже неку-

да? Хотя, казалось бы, ему-то какое дело?

Назначение объяснялось тем, что Маюр Абхимани был сыном высокопоставленного правительственного чиновника. Это не было секретом – сам же он никогда не давал окружающим об этом забыть. Для чего часто упоминал этот факт или некое связанное с ним обстоятельство. Ещё не обнародованные планы правительства по решению интересующей всех проблемы или какую-нибудь деталь быта крупного правительственного чиновника, известного всем по СМИ. Вероятно, он и сам занимал важный пост в какой-нибудь молодёжной организации – так и руководителем делегации стал...

Для пущей важности Маюр носил на поясе открытую кобуру с пистолетом. Кобура, с учётом брахманской варны владельца, была не кожаная, а деревянная, лакированная, из ореха, с золотыми накладками. И свисала с плеча Маюра не на кожаном ремне, а на красивом разноцветном шнуре. Сам пистолет был копией старинного, жутко шикарный, и Маюр всем новым знакомым охотно его демонстрировал. Он был легкий, со стоящим под углом курком, имеющим форму изящного завитка, с тонкими золотыми насечками. – Он не перекошен, – объяснял Абхимани, – а специально так расположен, потому что ударяет по закраине гильзы; притом при новом взведении курка гильза извлекается из ствола!). Ореховая лакированная рукоятка с изысканным узором древесных волокон и золотыми накладками, идеально сочетавша-

ся с кобурой, воронёный как будто светящийся ствол, тоже с причудливым узором золотом, не пистолет, а произведение ювелирного искусства! Даже гильзы были позолоченные! Маюр охотно разряжал пистолет, демонстрировал миниатюрный патрон с короткой гильзой и вновь заряжал. Назывался пистолет по-русски монтекристо, потому что был подарен русскими друзьями отца. И нет, он не дамский, иначе на нём были бы ещё драгоценные камни. Изготовлен по специальному заказу для Маюра Абхимани, он лично утверждал присланный эскиз...

Симахира, имея специальность, близкую к специальности оружейника, знал, что в Европе такие старинные пистолеты и ружья назывались, по имени изобретателя, пистолетами и ружьями Флобера. Наверное, у литературного персонажа, графа Монте-Кристо, было такое мелкокалиберное ружьё – выгонять из сада ворон, отсюда русское название... Вообще же такие покупали детям. Богато украшенные – детям богатых родителей. Патрон, изобретённый Флобером, не имел пороха, и отправлял пулю или дробь в полёт за счёт заряда той же гремучей ртути, что служила в более серьёзных патронах капсюлем. Летела она примерно с той же силой, что пулька современно пневматического ружья, какие используются в тире для развлечения публики. Убить или серьёзно ранить человека из такого оружия было затруднительно... Таким образом, посмеивался про себя Симахира, хвастаясь своим красивым пистолетиком, Маюр выставляет себя вели-

ковозрастным дитятей. И то, что сам он того не понимает, тоже работает на этот нежелательный для него образ. (Ну, не совсем про себя посмеивался Симахира: Агате, конечно, рассказал потихоньку)...

Сказано-сделано; на восьми сидячих местах на лавочках вдоль стен, потеснившись, разместилось десять человек, остальные пятеро, включая докладчика, остались стоять. Стоял и Маюр, не захотевший тесниться. Ему, конечно, оставили место на лавочке, и даже ещё до того, как уплотнить её с четырёх человек до пяти, более того, до того, как на неё вообще кто-нибудь сел, уступая ему право выбрать место, но он жестом отправил туда пятерых подчинённых, попросту пихнув их в нужном направлении. Хотел было пихнуть на лавочку и Агату, вроде как из вежливости, но она увернулась и показала полные руки плакатов. Повесить экран и поставить проектор было негде, но Симахира к такой ситуации подготовился. Ведь, возможно, на фестивале ему тоже придётся делать доклад прямо в воздухе, во время экскурсии на дирижабле. Конструкторы дирижабля расскажут о своём, а он о своём. Ещё в Бхубанешваре он нарисовал иллюстрации к докладу в виде плакатов, а Агату попросил в нужный момент подавать ему новый плакат, забирая предыдущий.

– Как вы все, возможно, знаете, – начал Симахира, – я пиротехник. Но, наверное, никто ещё не знает, что за но-

вый вид фейерверка я изобрёл и изготовил. При поддержке спонсоров, помогавших, если я правильно понимаю, организовать и поездку всей нашей делегации на фестиваль. Большое им спасибо за оба этих благородных поступка.

– К сожалению, трудно себе представить менее популярный в Японии вид фейерверка, чем этот. Я должен был бы это понять с самого начала. Тогда я сразу стал бы искать возможности осуществить свою мечту где-нибудь ещё. А так я потратил много времени, пытаюсь заинтересовать своим проектом различные организации и отдельных лиц в шоу-бизнесе. Ну ладно, всё хорошо, что хорошо кончается...

Как только он начал говорить, его оставила тревога, связанная с подслушанным перед собранием обрывком разговора между Маюром и его, по-видимому, секретаршей Рáтой.

Симахира мельком видел её раньше. Эта светлокожая блондинка, похожая на европейскую даму, но чёрные глаза, полные губы и то, что она была, как и её начальник, из варны брахманов, напоминали, что существует перекись водорода для волос и отбеливающие средства для кожи. Во время спора её томный воркующий голос делался временами резким, но Симахира, не заглядывая в кают-компанию, узнал обоих спорщиков по голосам.

Как докладчик, он пришёл к кают-компанию пораньше, нужно же было подготовиться. Но они уже там были и спорили на повышенных тонах, так что было слышно через за-

крытую дверь – звукоизоляция не была для конструкторов дирижабля первоочередной задачей, а скорее, они о ней даже не подумали, сосредоточившись вместо того на тихой работе двигателей. Секретарша отговаривала своего босса от какого-то намерения, называя его замысел опрометчивым, грозящим непросчитанными последствиями, не соответствующим линии правящей партии и инструкциям для молодёжных организаций устраивать провокации против политических противников, причём так, чтобы в результате народ Индии объединялся в единое целое на основе традиционных ценностей. А здесь неизвестно ни кто вообще узнает о результатах его акции и узнает ли хоть кто-нибудь, ни как люди среагируют, да что там, и сами последствия не просчитываются! Он может вызвать неудовольствие своего отца, даже в случае, если добьётся каких-то положительных результатов, именно из-за того, что предпринимает что-то самовольно и не имея возможности всё хоть как-то рассчитать... А начальник в ответ тупо твердил, что главный тут он и потому будет поступать так, как считает нужным и правильным в свете поддержания традиций, обычаев и заветов предков, а она может докладывать его отцу всё, что ей заблагорассудится, чтобы он, в свою очередь, наконец-то получил повод выгнать её ко всем ракшасам с тёпленького секретарского местечка. О сути его «опасного замысла» они не говорили, и невольно их подслушавший Симахира её не понял, но почему-то его этот разговор напугал: он вдруг представил, что он мог

иметь к нему какое-то отношение. Впрочем, он вообще побаивался Маюра – тот выглядел в достаточной степени идиотом со своей царственной важностью, чтобы его опасаться. А куда от него деваться на дирижабле?.. Хоть дирижабль и не подводная лодка. Впрочем, теперь Симахира рассказывал о своём любимом деле, и всё остальное стало неважным.

– Наверное, вам, как конструкторам дирижаблей, были бы непонятны и неинтересны мелкие технические подробности, вроде того, какие именно химические вещества я использовал, как они взаимодействуют в процессе, собственно, запуска и так далее, – продолжал он. – Вкратце, за счёт сочетание технологий термобарического взрыва и объёмного взрыва... Хм, пожалуй, я должен заметить, что некоторые путают эти две технологии, хотя у них есть как сходство, так и принципиальные отличия. Я на них остановлюсь только очень кратко. Вот, на этих двух плакатах вы видите схемы производства объёмного и термобарического взрыва. Могу с гордостью сказать, что про сочетание обеих технологий я нигде не читал даже для применения в оружии, не говоря уже о пиротехнике. Правда, это не значит, что нет и соответствующих исследований – они ведь засекреченные. Но, во всяком случае, вроде бы, на вооружении такого нигде нет, а то бы журналистам сообщили – ведь всё новое оружие играет пропагандистскую роль ещё до того, как может сыграть военную. Значит, получается, я, пиротехник, опередил насто-

ящих оружейников! Это, в частности, не помогало, а мешало мне добиться финансирования в шоу-бизнесе – если кто-то вообще соглашался выслушать такие подробности, что, кстати, бывало очень редко, то в этом месте меня начинали активно посылать за деньгами к оружейникам. Но я не оружейник, и заниматься не своим делом не хочу, а они, если бы и дали денег, то, естественно, только под разработку оружия...

– Вот на плакате номер три эскиз конструкции созданного мной гибрида. Термобарический заряд весом два килограмма без пятидесяти граммов, состоящий из смеси этиленоксида с загустителем, роль которого играет воск, и металлическим порошком алюминия и магния, вынутый из списанных гранат реактивного гранатомёта и модифицированный добавками, в разной химической форме, калия, натрия, циркония и обеднённого урана и ещё парой-тройкой горючих и других веществ. Детального описания состава, как вы догадываетесь, в моём докладе не будет. Кстати, выражаю благодарность спонсорам за то, что предоставили все эти полезные химические материалы. Вокруг него располагается, как видите, заряд объёмного взрыва весом одиннадцать килограммов, состоящий, в основном, из того же этиленоксида, но уже без примеси металлического порошка. Снаружи располагаются угольный порошок, который сгорит не весь, и порошок ржавчины, который тем более не сгорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.